7. Лис В. Країна гіркої ніжності : роман. Харків : Книжковий Клуб «Клуб Сімейного Дозвілля», 2019. 368 с.
8. Рогашко А. Під склепінням часу. Львів. Спогади. Кохання : збірка / укл. Н. Нікалео. Харків : Книжковий Клуб «Клуб Сімейного Дозвілля», 2019. С. 33–60.
9. Сіроштан Т.В. Засоби реалізації категорії абстрактності в українській мовній картині світу. *Актуальні проблеми функціонування мови і літератури в сучасному поліетнічному суспільстві: Матеріали III Міжнародної науково-практичної конференції (Мелітополь, 23-24 вересня 2016 р.)*. Мелітополь: Видавництво МДПУ ім. Б. Хмельницького, 2016. С. 57–60.
10. Чабаненко В. А. Стилїстика експресивних засобів української мови : монографія. Запоріжжя : ЗДУ, 2002. 351 с.
11. Чернінька О. Купчині на Святвечір. Львів. Спогади. Кохання : збірка / укл. Н. Нікалео. Харків : Книжковий Клуб «Клуб Сімейного Дозвілля», 2019. С. 5–32.

Лецинская О.А.

доктор филологических наук,
профессор кафедры белорусского языка
Гомельский государственный университет
имени Франциска Скорины,
Республика Беларусь

ФРАЗЕОЛОГИЗМЫ-РЕПРЕЗЕНТАНТЫ ЭМОЦИИ СТРАХА В ЯЗЫКЕ ПРОИЗВЕДЕНИЙ ЯНКИ КУПАЛЫ

Аннотація. В статтє матеріалом изучення избраны фразеологизмы с общим значением 'страх', использованные в языке произведений классика белорусской литературы Янки Купалы. Дается их общая характеристика, устанавливаются образные основания. Выявляются общие метафорические модели авторского отбора единиц, определяются цели использования в контексте произведений, отмечается общая положительная характеристика и оценка, в отличие от наличия в языке соответствующих единиц для выражения негатива.

Ключевые слова: фразеологизм, эмоция, страх, язык произведений, авторский отбор, метафора, образность.

Современная наука о языке большое внимание уделяет проблемам лингвокультурологии, задачами которой является изучение культурных концептов и составление концептуариев разных культур. Особенную сложность представляет изучение абстрактных концептов, что связано с трудностью их дифференциации, отсутствием полных и точных определений в лексикографической литературе, употреблением в языке носителей интуитивно и др. Эмотивность в современной лингвистике рассматривается как самостоятельная категория, реализующаяся на разных уровнях языка и речи (например, лексическом, грамматическом, синтаксическом). Однако, по признанию многих исследователей (Л.И. Ройзензона, Ю.Ю. Авалиани, М.И. Красавского, Д.О. Добровольского и др.), именно фразеологический уровень каждого языка направлен на выражение эмоций, чувств и психологического состояния человека. Фразеологический уровень вербализации эмоциональных концептов характеризуется образным отличием в сравнении с лексическим. Как отмечает Н.Ф. Олиференко, «своеобразие фразеологического значения проявляется во вторичном воспроизведении языковой картины мира, обогащенном опытом интеллектуально-эмоционального освоения носителями языка соответствующего «кусочка» действительности» [1, с. 129].

Объектом изучения в представленной статье избрана эмоция страха, вербализованная во фразеологизмах, использованных в языке произведений классика белорусской литературы Янки Купалы, жизнь и творчество которого приходится на конец XIX – начало XX ст. Выбор эмоции обусловлен тем, что страх, как свидетельствуют психологи, является одной из самых сильных эмоций, связанной «с инстинктом самосохранения и чувством безопасности» [2, с. 199]. Страх, как отмечает немецкий психоаналитик Ф. Риман, «существует независимо от культуры и уровня развития народа или его отдельных представителей; единственное, что изменяется – это объекты страха» [6, с. 12].

В лингвистике изучение эмоции страха обусловлено антропоцентрическим подходом к изучению языка и его единиц, когнитивной направленностью исследований с целью познания через факты языка самого человека.

Фразеологическая репрезентация эмоции страха в языке произведений Янки Купалы представлена относительно небольшим количеством единиц: выделено всего 27 фразеологизмов из более 3000, использованных мастером и зафиксированных в «Слоўніку фразеалагізмаў мовы твораў Янкі Купалы» [4], или исследуемые фразеологизмы составляют третью часть от всего

количества фразеологизмов, служащих для обозначения эмоции страха в белорусском литературном языке [5, с. 72]. Но даже такое небольшое количество свидетельствует о месте и роли эмоционального концепта, о релевантности этой эмоции в жизни белорусов и в выражении эмоционального состояния героев художественных произведений Купалы.

Отмеченные в языке произведений фразеологизмы как репрезентанты эмоции страха представлены разной структурой, или выделенные единицы с общим значением 'страх' соотносятся по своей структуре с предложением (*забегалі мурашкі; затрэсліся рукі і ногі; кроў ледзянее; мурашкі бегаюць на цэле і інш.*), словосочетанием (*душой затрэсці; матачка найсвенцішая і інш.*) и простым соединением слов (*фу ты*), из которых количественно преобладают фразеологизмы-предложения. По своему общему значению, морфологическим и синтаксическим показателям наиболее представлены глагольные фразеологизмы – всего 10 единиц (*глядзець смела ў вочы; душой затрэсці; жаху задаваць; зубамі заляскаць; заныць на сэрцы; кінуць у дрож; скрыгатаць зубамі; упасці сэрцам і душой; у процьму гнаць*), 3 междометные (*матачкі найсвенцішыя; святы Бог з вамі; фу ты*), 2 наречные (*як ліст ад ветру; як учадзеўшы*), а остальные не соотносятся с частью речи. Из всей группы фразеологизмов выделяется только одна единица, отличающаяся от остальных с общим значением 'страх', поскольку доводит о противоположном значении: *глядзець смела ў вочы* – «не выявлять чувства страха». Ещё замечания о выделенных фразеологизмах касаются наличия вариантности (*душой (-ою) затрэсці /трэсці; дрыжыкі на цэле /на скуры скачуць /набеглі; мурашкі бегаюць /скачуць на цэле*) отсутствия повторяемости одной и той же единицы.

Основу семантики большей части фразеологизмов составляет образ, основная функция которого заключается в выражении субъективного, эмоционально-оценочного взгляда на такое абстрактное понятие, как страх, и представлении вторичных языковых единиц яркими, наглядными для их восприятия. Именно разнообразие образов, с одной стороны, объясняет количество единиц, с другой стороны, определяет отличие семантики каждой единицы. Образность фразеологизмов тесно связана с процессом метафоризации, при котором происходит совмещение концептосфер разных понятий, в нашем случае страх как психическое эмоциональное состояние отождествляется с его соматическим проявлением и внешним выражением в виде симптомов или элементов невербального языка. Представление о собственном теле, согласно Дж. Лакоффа, является базовой метафорой, используемой не только в языковой репрезентации представлений о пространстве, движении и положении в пространстве, о предметах,

явлениях и отношениях в окружающем мире, но и при самопознании, восприятии своего внутреннего мира, чувств и эмоций [3]. Представленные фразеологизмы со значением 'страх' выявляют несколько общих метафор.

Первая метафора построена по модели «страх – холод», когда эмоциональное состояние страха передаётся посредством реакции человека на страх или на холод на основании ощущения своего физического состояния в виде онемения от страха или реакции организма на холод через посредство тех соматизмов, которые реагируют. Во внутренней форме фразеологизмов этой модели присутствует идея 'холода', служащая обозначению возникновения страха, его ощущения, и передаётся образами с дрожью или шорохом тела (*кинуць у дроз; дроз прабгае на целе; дрыжыки на целе скачуць; на целе шорах*), с мурашками по теле (*забегалі мурашкі; мурашкі бегаюць на целе*), замедлением кровообращения (*кроў ледзянее; стыне кроў*), замиранием сердца (*сэрца ледзянее*) или стучанием зубов от холода (*зубамі заляскаць; зуб ляскае аб зуб*). Представленные образы фразеологизмов свидетельствуют, что страх вызывается объективными причинами, тем, что возможно угрожает жизни или опасно для жизни человека, а не надуманы или преувеличены. Именно эта особенность лежит в основании авторского отбора большинства фразеологизмов для отражения в произведениях чувства страха и характеристики героев, которых нельзя считать трусливыми, нельзя осуждать. Избранные поэтом фразеологизмы не несут отрицательной коннотации, не вызывают негатива к его героям, испытывающими такое чувство, например: *Што ні год, памяншаюцца сілы, Стыне кроў, сняцца думы чарней. Зямля-маці! Няўжо ж да магіль Яне ўбачу свабоды тваеё?* («Што ні год...»).

Вторая общая метафора, лежащая в основе фразеологизмов, избранных мастером для репрезентации эмоции страха своих персонажей, построена по модели «страх – физическая слабость», когда выявляются ассоциации человека между чувством страха и его восприятием, протеканием или последствием. Правда, в произведениях писателя, во-первых, таких фразеологизмов несколько, и, во-вторых, в них такими «слабостями» обладают в основном сердце, реже душа как органы, не только реагирующие при ощущении человеком страха (*сэрца брэдзе; зануць на сэрцы; упасці сэрцам і душой*) или при устрашении кого-либо (*душой затрэсі*), но и как органы, наделённые символикой центров эмоций вообще. Этот факт позволяет вновь отметить особенность выбора художником фразеологизмов с целью передачи, характеристики и оценки того страха, причины которого всё же опасны, несут угрозу, в отличие,

наприклад, от фразеологізмів *валасы сталі дубам; у пяткі закалола; вочы на лоб лезуць; лытаць вачамі* і др., несущие насмешку і даже негатив в своєї оцінці.

І тільки в одному фразеологізмі проявлення фізичної слабкості чловека на чутство страху передано с помощью образу трясущихся ног і рук как средства скорее передачи интенсивности реакции организма (*затрэсліся ногі і рукі*), однако и эта единица не несёт ярко выраженной отрицательной оценки, негатива в оценке крестьянина, увидевшего свои посеы после града: *Прыйшоў, і.. затрэсліся ногі і рукі, Хацеў бы заплакаць – дыі слёз не дастаў: Дзе столькі ўлажыў я і працы, і мукі, Мае ўсе пасевы з зямлёй град змяшаў* («Град»).

Третья метафора – «страх – явление как причина, исток страха» лежит в основании четырёх фразеологізмів с использованием образов с разными явлениями и их действиями, считающиеся причиной, истоком страха (*у мазгі залазіць жах*) или способом доведения кого-либо до страха (*жаху задаваць; у процьму гнаць; туманы чорныя ў вочы пускаць*).

И только две компаративные единицы, в основе которых лежат наблюдения за природным явлением и за поведением человека в таком состоянии, использованы соответственно в поэтическом и драматическом произведениях Купалы для образной передачи интенсивности проявления страха и его осуждения (*Ляціць наш Юрка, як здань, белы, У сенцы, ў дзверы валиць штурмам, Як ліст ад ветру, дрыжыць цэлы. «Страх»*) или характеристики признака действия человека ([Зоська:] *Мне так сумна і страшна зрабілася, што тата ляжаў тут непадалёк непахаваны і такі жудасны з гэтай вяроўкай на шыі, што я не выцрпела і, як учадзеўшы, у поле пабегла. «Раскіданае гняздо»*).

Таким образом, фразеологізмы-репрезентанты эмоции страха, использованные мастером белорусского слова, иллюстрируют отбор из кладезей фразеологізмів белорусского языка, доводят закреплённый культурно-исторический опыт познания мира, являются показателями авторского выбора фразеологізмів как единиц для определения места и роли эмоции страха в жизни белорусов вообще, героев его произведений в частности как образных средств характеристики и выражения оценки эмоции страха и человека, её испытывающего. Выделенные эмоциональные метафоры страха отражают существенные для белорусского лингвокультурного сообщества образные представления, что складываются на основании устойчивых ассоциаций у носителей языка, и определяют особенности национального образного мышления.

Література

1. Алефиренко Н.Ф., Золотых Л.Г. Проблемы фразеологического значения и смысла (в аспекте межуровневого взаимодействия): моногр. Астрахань : Изд-во Астрах. гос. пед. ун-та, 2000. 220 с.
2. Бачинин В.А. Психология. Энцикл. Словарь. СПб. : Изд-во В.А. Михайлова, 2010. 272 с.
3. Ляшчынская В.А., Шведава З.У. Слоўнік фразеалагізмаў мовы твораў Янкі Купалы. Гомель : ГДУ імя Ф. Скарыны, 2007. 312 с.
4. Ляшчынская В.А. Фразеалагічная канцэптуалізацыя эмоцыі сораму ў беларускай мове. Мінск : РІВШ, 2012. 246 с.
5. Риман Ф. Основные формы страха. Исследование в области глубинной психологии / пер. с нем. Э.Л. Гушанского. М. : АЛТЕЙЯ, 1998. 336 с.
6. Лакофф Дж., Джонсон М. Метафоры, которыми мы живем. *Теория метафоры* / под ред. Н.Д. Арутюновой и М.А. Жирмунской. М. : Прогресс, 1990. С. 387–415.

Минакова Л.Н.

*кандидат филологических наук,
доцент кафедры белорусского языка
Гомельский государственный университет
имени Франциска Скорины,
Республика Беларусь*

**ДЕТЕРМИНОЛОГИЗИРОВАННАЯ ЛЕКСИКА В ПРОИЗВЕДЕНИЯХ
БЕЛОРУССКИХ ПИСАТЕЛЕЙ**

***Анотация.** Предметом рассмотрения в данной статье послужили технические термины, подвергшиеся деспециализации и метафоризации, выступающие активным средством обогащения языка белорусской художественной литературы.*

***Ключевые слова:** термин, специальная лексика, детерминологизация, детерминологизированная лексика, деспециализация, метафора, метафоризация, метафорическое переосмысление.*

Первоначальное значение термина (от лат. terminus) определяется как граница, предел, что само по себе уже говорит о таких функциях термина, как предельная точность и однозначность. В основе разграничения оппозиции «термин – общеупотребительное слово» лежат основные